

Она была похожа на нежный лепесток белой сакуры — крошечная, только что раскрывшаяся чешуйка, одиноко пристроившаяся на хрящике ушной раковины.

Но этого было достаточно, чтобы Чэн Цзюэ впал в полнейшее замешательство. И не просто в замешательство — он от неожиданности буквально свалился со стула.

Преподаватель, проводивший переключку, вздрогнул от грохота и, нахмурившись, посмотрел в их сторону:

— Что там происходит?

Чэн Цзюэ торопливо выбрался из-под стола и пробормотал:

— Простите, случайно упал.

Проверяющий ничего не сказал, лишь поправил очки и уткнулся обратно в список группы.

Сы Юэ тоже опешил от выходки друга. Он совершенно не понимал причин такой паники.

— Ты чего?

На этот раз Чэн Цзюэ не решился трогать его руками. Он осторожно ткнул кончиком ручки в место за ухом Сы Юэ и прошептал:

— У тебя за ухом... это что, чешуя?

Сердце Сы Юэ пропустило удар.

Он потянулся рукой туда, куда указывал Чэн Цзюэ. Видеть себя он не мог, оставалось полагаться на тактильные ощущения. На ощупь это было точь-в-точь как чешуя за ушами Бай Цзяня: холодная, твердая, с легким ощущением влажности.

Разница была лишь в том, что его чешуйка была совсем «новорожденной», крошечной, и там, где она выходила из кожи, края были еще мягкими.

Чэн Цзюэ пробормотал:

— Малыш, почему... почему у тебя растет чешуя?

Несмотря на свою простоту, он понимал: об этом нельзя кричать на всю аудиторию. Он придвинулся к плечу Сы Юэ и принюхался. На друге всё еще ощущался убийственный холод Бай Цзяня, но посторонних запахов тритонов не было.

Сы Юэ начал догадываться. Процесс трансформации не должен был быть таким быстрым — видимо, вчерашняя «стимуляция» подтолкнула организм.

Он сунул телефон в руки Чэн Цзюэ:

— Сфотографируй, я хочу посмотреть.

— А, да-да, — Чэн Цзюэ запоздало открыл камеру и сделал несколько четких снимков. Вернув телефон, он всё еще пребывал в ступоре. — А-Юэ, ты что... тритон?

— Нет, — Сы Юэ мысленно вздохнул. Сейчас он не был ни человеком в полной мере, ни тритоном.

Теперь у них с Бай Лу наверняка нашлось бы много общих тем. Сейчас он был существом еще более странным, чем младший брат Бай Цзяня.

— Но это не похоже на татуировку...

Она явно росла из-под кожи. Чем старше тритон, тем тверже его чешуя и насыщеннее цвет. У некоторых новорожденных чешуя сначала бледная, но с годами темнеет. Обычно окончательный цвет устанавливается годам к семи-восьми.

Но Чэн Цзюэ впервые видел белую чешую. И это был не плотный белый цвет, как у настенной краски; чешуйка за ухом Сы Юэ была полупрозрачной и изысканной, как первая упавшая снежинка.

О белых тритонах он читал только в учебниках истории. Считалось, что их предок был белым, но с тех пор среди их народа такие особи больше не встречались. Даже кремовых не было.

Чешуйка располагалась прямо посередине ушного хряща, выглядя беззащитной и крошечной.

Сы Юэ отправил фото Бай Цзяню и повернулся к другу:

— У тебя есть пластырь?

Чэн Цзюэ кивнул — он всегда носил с собой пластыри и антисептик.

— Заклей мне её, спасибо.

Руки Чэн Цзюэ дрожали, пока он скрывал крошечную чешуйку под пластырем.

— Тебя аж трясет, — усмехнулся Сы Юэ. — Оно того стоит?

— Конечно! Ты так и не сказал, почему она у тебя выросла.

— А у кого растёт чешуя?

— У тритонов.

— Ну вот и ответ.

Чэн Цзюэ хлопал глазами, переваривая информацию. Он сглотнул:

— Да-да-да... но-но-но... ты же человек?

Сы Юэ мягко отодвинул от себя взволнованного друга:

— Люди тоже могут становиться тритонами.

— В каком смысле?

— В буквальном.

— Я знаю, но ведь еще никто не добивался успеха! — Чэн Цзюэ затараторил, путаясь в словах.

— Это же безумный риск, никто на такое не идет. А-Юэ, неужели... Господин Бай Цзянь тебя заставил?

— Если это против твоей воли, ты можешь заявить на него! Есть специальный отдел, который занимается такими делами.

— Не бойся! — добавил он совершенно серьезно.

Сы Юэ откинулся на спинку стула и улыбнулся:

— Я сам этого захотел.

Он посмотрел Чэн Цзюэ в глаза:

— Ты сохранишь мой секрет?

Тот замер.

— Конечно. О чем речь?

Секрет Сы Юэ теперь был его секретом. Он никому не скажет — ни за что на свете.

Весь остаток лекции Чэн Цзюэ не слышал ни слова. В голове крутилась одна мысль: Сы Юэ превращается в тритона. То ему казалось, что это сон, то он косился на пластырь за ухом друга и снова впадал в протрацию. К тому же он никогда не чувствовал такого доверия к себе.

Если бы об этом узнали снаружи, журналисты разнесли бы ворота университета в щепки. Кто не хочет прожить лишнюю сотню лет? Но всех пугал риск, и исследования в этой области годами стояли на месте. А если об этом узнают недоброжелатели... В голове Чэн Цзюэ пронеслись кадры из кровавых боевиков. Он сжал кулаки: «Я! Обязательно защищу этот секрет!!!»

Сы Юэ не разделял его пафоса. Он то и дело потирал пластырь. Если бы не Чэн Цзюэ, он бы и не догадался о переменах.

Бай Цзянь, видимо, был занят и не отвечал.

В полдень раздался звонок от Бай Цзяня. Сы Юэ успел первым:

— Это Чэн Цзюэ заметил, я и сам не знал. Уже заклеил пластырем. Похоже, она пока одна.

Бай Цзянь действительно всё утро был занят: играл в гольф с клиентами, а телефон оставил у Цзянь Юя. Когда он увидел фото, то тоже на мгновение лишился дара речи.

Его поразила не только скорость изменений, но и цвет. Белый. Почему белый?

Сы Юэ зависел от него, а значит, чешуя должна была быть либо черной, либо серебристо-голубой. Откуда взялся белый?

— Ты как себя чувствуешь? Есть недомогание? — негромко спросил Бай Цзянь.

— Нет, — Сы Юэ потрогал лоб. — Немного знобит, но я попою горячего, к вечеру пройдет.

Бай Цзянь: «...»

Он ожидал паники или растерянности, но тон Сы Юэ был таким легким, будто речь шла о пустяке.

— Не заезжай за мной сегодня, я сам на машине вернусь, — Сы Юэ посмотрел в хмурое небо. — У меня и так уже две тачки в универе стоят.

— Хорошо, — отозвался Бай Цзянь. — Возвращайся поскорее, я попрошу врача осмотреть тебя.

— Ладно.

Положив трубку, Сы Юэ пролистал контакты и остановился на имени Вэнь Хэ. Ей всё-таки стоило сказать. Поколебавшись всего три секунды, он набрал номер. Спустя пару гудков раздался нежный голос матери.

Аудитория опустела — все ушли обедать. У Сы Юэ аппетита не было, и двигаться не хотелось. Чэн Цзюэ обещал принести ему еды, так что сейчас он был один. Но он всё равно говорил очень тихо.

Когда он закончил, Вэнь Хэ долго молчала. Чем дольше длилась тишина, тем сильнее Сы Юэ нервничал. Он принялся рассеянно рисовать круги на полях учебника.

Наконец Вэнь Хэ дрожащим голосом спросила:

— Ты решил меня в могилу свести? Почему ты не посоветовался со мной раньше?

У Сы Юэ горела голова, он смог лишь пробормотать «прости».

— Но я чувствую себя хорошо. Всё совсем не так страшно, как пишут в отчетах.

Вэнь Хэ буквально трясло от гнева.

— А-Юэ, когда ты это решал, ты хоть на секунду подумал о том, как я буду переживать? Чему я

учила тебя в детстве? Нельзя быть таким эгоистом. Ты взрослый, я не лезу в твою жизнь, но такие вещи... Неважно, сколько тебе лет и чего ты добился, ты обязан был сказать мне.

Сы Юэ опустил глаза. Кончик ручки прорвал бумагу в учебнике.

— Молчишь, когда расстроен, да?

— Нет.

— А-Юэ, ты всегда такой импульсивный, когда-нибудь это выйдет тебе боком, — Вэнь Хэ прижала ладонь ко лбу, пытаясь успокоиться. — Некоторые жертвы просто не нужны. Неужели Бай Цзянь разлюбил бы тебя, останься ты человеком?

Сы Юэ прикусил ноготь, нахмурившись:

— Если я не стану тритоном, мне придется держаться от него на расстоянии.

— Почему?

— Не могу сказать.

— А-Юэ, ты хоть понимаешь, какой это риск? Твои гены могут не выдержать удара, органы начнут отказывать один за другим. Ты можешь умереть за считанные секунды, если реструктуризация провалится.

Сы Юэ молчал, низко опустив голову.

— Я знаю. Всё знаю.

Вэнь Хэ замолчала.

— Ты твердо решил? — Её голос смягчился. — Если так, то после обеда я еду в дом Бай. Буду сама за тобой присматривать.

Сы Юэ опешил:

— А?

— Что «а»? — Вэнь Хэ натянуто улыбнулась. — Если что-то случится... ты ведь не хочешь, чтобы я даже не успела попрощаться?

Сы Юэ стало не до смеха. Он понял, что мать не шутит.

— Мам, прости меня, — его голос охрип.

Вэнь Хэ, напротив, вдруг легко рассмеялась:

— Не слушай никого, не сомневайся и не жалея о своем выборе. Раз решил — иди до конца. Но в будущем, если затеешь что-то подобное, пообещай, что скажешь мне заранее. Хорошо?

Сы Юэ сглотнул ком в горле.

— Хорошо.

— Ну ладно. У меня сегодня партия в карты с тетей Чжоу. Сейчас время обеда, так что поспи немного. И не отвлекайся на занятиях!

Пообещав быть прилежным студентом, Сы Юэ положил трубку.

В огромной гостиной дома Сы Вэнь Хэ сидела на диване в полном одиночестве. Она держала спину прямо, но лицо её было бледным. Спустя долгое время она снова взяла телефон.

— Бай Цзянь, добрый день. Нам нужно поговорить.

Чэн Цзюэ вернулся с двумя контейнерами еды. В учебном корпусе есть не полагалось, но на это правило все закрывали глаза.

Сы Юэ был в подавленном настроении.

— Зачем две порции?

Чэн Цзюэ расставил контейнеры и раздал палочки:

— Вот эта — то, что любите вы, люди: острая курочка, говядина с картофелем и зелень. А вот эта — популярные блюда у тритонов: яйцо с мясом моллюсков на пару, ассорти из морепродуктов и живой осьминог. Ты же сейчас трансформируешься, я подумал, вдруг вкусы уже поменялись? — Глаза Чэн Цзюэ сияли — он явно вошел в роль заботливой няньки для будущего тритона. — А-Юэ, выбирай, что больше нравится?

Сы Юэ не сдержался и прыснул. Он выбрал «человеческую» еду.

— Ой, вкус еще не изменился! — удивился Чэн Цзюэ. — Ну, тогда вторую порцию съем я. Кстати, эта ваша острая курица правда вкусная? Мне кажется, она жутко жгучая. Морская капуста куда лучше.

Аппетита у Сы Юэ не было, он съел пару ложек и отложил палочки. Чэн Цзюэ попробовал кусочек курицы, и его лицо тут же перекошилось. Он поспешно выплюнул мясо и жадно присосался к бутылке с водой.

— Это... это правда можно есть?

Сы Юэ, подперев щеку рукой, листал ленту в телефоне.

— Не лезь не в свой круг, если не тянешь.

Он перевел Чэн Цзюэ деньги за обед. Тот вдруг любопытствовал:

— Малыш, а сколько тебе в месяц на жизнь дают?

— В школе давали пять тысяч в неделю. Сейчас не знаю.

До университета Сы Юэ особо не распоряжался деньгами. Самой крупной его тратой за последнее время стали заправки для Бай Цзяня. Остаток на карте он даже не проверял, но с учетом ежемесячных переводов от матери там наверняка скопилась приличная сумма.

Чэн Цзюэ застыл:

— Пять тысяч в неделю?! Как их вообще можно потратить?

— Да я их и не тратил полностью. Мне особо нечего покупать.

У Сы Юэ было мало запросов — разве что машины, но родители их не покупали, а сам он еще не заработал. В остальном он не был фанатом прожигания денег. Не то что Чжоу Яньян, который мог вбухать миллионы в онлайн-игры. Или Чжэн Сюйюй, который с девятого класса тратил целые состояния на подарки своим девушкам — на эти деньги можно было купить небольшую фирму.

Чэн Цзюэ понял, что Сы Юэ совсем не похож на тех «золотых деток», которых он знал. Благодаря другу у него теперь сложилось крайне благоприятное мнение о людях.

Весь вечерний блок лекций Сы Юэ проспал. Он отказался от предложения Го Шуя поиграть в баскетбол и после звонка сразу направился к выходу. По дороге к парковке он не удержался и коснулся пальцами места за ухом. Поверхность пластыря была неровной, ощущался крошечный бугорок.

— Студент Сы Юэ?

Услышав свое имя, он замер в этой странной позе и обернулся. Перед ним стояла девушка в белой блузке и темно-серой плиссированной юбке. Вид у неё был очень спокойный и нежный.

— Я из первой группы. Слушай, на следующей неделе вечер посвящения... не хочешь подготовить номер вместе со мной?

Сы Юэ удивился:

— Мы из разных групп. С чего мне выступать с тобой?

Девушка ничуть не смутилась, сохранив самообладание:

— Но мы ведь оба люди. Мы должны держаться вместе, разве нет?

Сы Юэ медленно опустил руку и засунул её в карман куртки. Его взгляд стал холодным.

— Ты из первой группы, я из третьей. Ищи людей в своей группе.

— Но на всём факультете только два человека — ты и я. Я перевелась позже, а тот парень, что был раньше, уже отсёлся. — Она улыбнулась, показав острый клычок. В её облике было что-то милое и игривое.

— Всё равно нет, — отрезал Сы Юэ. — Если мы возьмем приз, кому достанется слава? Твоей группе или моей?

— ...

— Студент Сы Юэ, ты... ты ведь человек.

— Да, человек своей группы.

— Но ты там один.

— А для игры на пианино нужна толпа? — Сы Юэ начал раздражаться.

Он понимал её желание найти «своего», но ему напарники были не нужны. Он и один прекрасно справится. К тому же Бай Цзянь — тот еще ревнивец, лучше лишний раз его не расстраивать.

Сы Юэ сел в машину, бросил рюкзак на сиденье и завел мотор. Черный Роллс-Ройс со свистом выехал со стоянки. Девушка отступила, её юбку подняло порывом ветра. Она надула губы: «И что он нашел в этом тритоне? Даже если это сам Бай Цзянь...»

Домой он добрался в сумерках. Бросив ключи парковщику, он вошел через заднюю дверь и еще в прихожей услышал голос матери.

Дядя Чэнь спускался по лестнице с охапкой книг и заметил Сы Юэ, который пытался спрятаться за огромным цветком в кадке.

— Молодой господин А-Юэ, вы вернулись?

Сы Юэ от неожиданности отпрянул и врезался в комод. Удар пришелся прямо по локтю — боль была такой, что он едва не взвыл. Вэнь Хэ отставила чашку и посмотрела в сторону лестницы.

Сы Юэ нехотя вышел из своего укрытия. Встретившись взглядом с матерью, он тут же расплылся в широкой улыбке и подбежал к ней. Усевшись на ковер прямо у её ног, он заискивающе произнес:

— Дорогая госпожа Вэнь Хэ, как же я по вам скучал!

Мать смотрела на него серьезно, не говоря ни слова.

Бай Цзянь сидел в кресле рядом с газетой. Увидев, как мастерски Сы Юэ «переобулся», он не смог сдержать улыбку.

— Столько времени не виделись, а ваша красота по-прежнему ослепляет меня!

— О мама, о любовь моя!

Вэнь Хэ протянула руку и ущипнула его за щеку. Видимо, приложилась от души, потому что Сы Юэ сразу заойкал:

— Ай-ай, матушка, не надо, больно же!

Увидев, что сын выглядит даже бодрее, чем когда жил дома, Вэнь Хэ немного успокоилась. Её глаза слегка покраснели.

— Значит, боль ты всё-таки чувствуешь?

Сы Юэ понимал, что поступил нехорошо, поставив её перед фактом. Он потер покрасневшую щеку:

— Виноват, больше не буду.

Вэнь Хэ поправила растрепавшиеся волосы на его лбу и посмотрела на Бай Цзяня:

— Наверное, А-Юэ доставляет вам массу хлопот?

Она и сама знала ответ. Бай Цзянь улыбнулся:

— Вовсе нет. Ну, разве что иногда.

Сы Юэ всегда поражало, как Бай Цзянь — существо, которому почти триста лет — умудрялся рядом с Вэнь Хэ выглядеть как почтительный младший родственник. Хотя любой его помощник, будь то Цзянь Юнь или Цзянь Юй, был старше его матери.

— Гостевая комната уже готова. Это люкс со спальней, кабинетом и тренажерным залом. Если что-то понадобится — обращайтесь к дяде Чэню или напрямую ко мне. — Бай Цзянь наклонился, чтобы подлить Вэнь Хэ горячей воды. При этом он мельком взглянул на ухо Сы Юэ, скрытое под обычным пластырем.

Сы Юэ придержал его за руку:

— Ты как сейчас мою маму назвал?

Бай Цзянь посмотрел ему в глаза:

— Госпожа Вэнь?

Сы Юэ сжал его запястье чуть сильнее. Бай Цзянь снисходительно улыбнулся и перевел взгляд на Вэнь Хэ:

— Мама.

Вэнь Хэ на мгновение замерла, а затем легонько шлепнула Сы Юэ по руке, которой тот держал Бай Цзяня. Когда сын отпустил руку, она негромко отчитала его:

— Веди себя прилично.

Сы Юэ посмотрел на две чашки на столе, помедлил и взял ту, что предназначалась Бай Цзяню. Отпивая чай, он пробормотал:

— Ну вообще-то так и положено называть.

Бай Цзянь ничего не сказал. Когда Сы Юэ допил, он просто наполнил чашку снова.

Глядя на них, Вэнь Хэ окончательно поняла, почему её сын так отчаянно хочет стать тритоном. Бай Цзянь слишком сильно его баловал.

— Я пойду к себе.

Она не стала мешать молодым, её вещи уже давно отнесли наверх. Когда мать ушла, Сы Юэ вспомнил их дневной разговор, и ему стало не по себе.

— Она наверняка расстроена. Пойду позже навещу её. Она терпеть не может ночевать в чужих домах: она чистюля, у неё куча своих правил, и в гостях она чувствует себя не в своей тарелке.

Он задрал голову, сдерживая слезы.

— Слушай, если я сейчас расплачусь из-за мамы, чур — не смеяться надо мной.

Бай Цзянь накрыл его глаза ладонью, ощутив несколько горячих капель.

— Никто не будет смеяться.

Сы Юэ не стал убирать его руку.

— Бай Цзянь, — глухо произнес он. — Если трансформация провалится... Пообещай, что позаботишься о моей маме до конца её дней. И об отце тоже. Но мама — главное, она важнее. Отец тоже ничего, но посмотришь по обстоятельствам. Если он будет вести себя как кретин — можешь развеять его прах по ветру.

Он уже почти не соображал, что несет.

Бай Цзянь обхватил его за затылок и притянул к себе:

— Провала не будет.

— Но риск огромен.

— Риск сопровождает нас каждый день.

Поцелуи Бай Цзяня посыпались на него, как частая сеть.

— Ты всё ещё собираешься в университет и институт?

Сы Юэ прикусил кончик его языка и кивнул:

— Да. В универ можно ходить пореже, но в институт — обязательно. Пока не разберусь, чем они там занимаются, не успокоюсь.

Он был настроен решительно: если это не угрожает Бай Цзяню, тогда ему всё равно.

Бай Цзянь смотрел на него темным, глубоким взглядом. На самом деле каждый день в разлуке давался ему тяжелее, чем Сы Юэ. Стоило парню исчезнуть из поля зрения, как в его душе поселялась тревога.

— Так ты уверен, что сейчас чувствуешь себя хорошо?

Сы Юэ покосился на него:

— Да что ты заладил одно и то же? Если станет плохо — я скажу.

Ворча, он потянулся к вазе с клубникой. Крупные, алые ягоды выглядели очень соблазнительно. Но не успел он коснуться плода, как Бай Цзянь зарылся пальцами в его волосы и резко дернул голову назад. Кожа на черепе натянулась, Сы Юэ широко открыл глаза, но не успел вскрикнуть — его губы накрыл жадный, почти яростный поцелуй.

Язык тритона проник глубоко, исследуя каждый уголок, будто выпивая его до дна. Бай Цзянь медленно отстранился, его зрачки были черными, бездонными.

— А-Юэ, как думаешь, почему я спрашиваю одно и то же? Почему меня так волнует твое самочувствие?

Голос был вкрадчивым и мягким, но Сы Юэ уловил в нем опасные нотки. Поняв, что где-то перегнул палку, он мгновенно «сдался»:

— Потому что ты меня любишь!

Он обхватил руку Бай Цзяня и преданно заглянул в глаза:

— Ну давай, поцелуй еще раз.

Бай Цзянь усмехнулся. Он взял клубнику, откусил кончик, а остальное пальцем протолкнул в рот Сы Юэ.

— Ешь.

Сы Юэ прожевал:

— Сладкая.

Бай Цзянь еще немного полюбовался его лицом, а когда Сы Юэ снова потянулся к вазе, перехватил его руку.

— Покажи мне свою чешую.

— Точно! Совсем забыл, я же хотел похвастаться! — Сы Юэ спохватился. Вытерев руки, он содрал пластырь и подставил ухо под самый нос Бай Цзяню. — Видно? На фото она была довольно заметной.

Чешуйка никуда не делась, но стала меняться: края побелели, а середина стала почти прозрачной, напоминая крошечный кристалл на хрящике. Такие нежные чешуйки бывают

только у новорожденных тритонов. Белая... Совершенно не вяжется с его взрывным характером. Но на его ухе она смотрелась удивительно гармонично.

Когда прохладный палец Бай Цзяня коснулся чешуйки, перед глазами Сы Юэ всё вспыхнуло. Он едва не рухнул на ковер, но успел отпрянуть, закрывая ухо рукой.

— Ты что творишь?!

— Ты тоже трогал мои плавники, — невозмутимо напомнил Бай Цзянь.

— Это моя первая чешуйка! Это совсем другое!

Может, дело было в том, что Бай Цзянь — его партнер, потому что утром на прикосновение Чэн Цзюэ он так не реагировал.

— Подойди сюда, — поманил его Бай Цзянь.

Сы Юэ медленно придвинулся. Стоило ему оказаться в пределах досягаемости, как его за руку затащили на колени. В следующий миг Бай Цзянь прижал его ладони за спиной и поцеловал прямо в то место, где росла чешуйка.

Теперь Сы Юэ на собственной шкуре понял, почему тритоны так берегут свои уши. Когда его наконец отпустили, его лицо было краснее, чем клубника в вазе. Он прижимал ладонь к уху, как к величайшей ценности:

— Она же у меня всего одна! А если отвалится?

Бай Цзянь прижал его к себе, целуя в макушку.

— Скоро их будет много, — прошептал он. — Мой маленький тритон.